

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1975

Д. Х. БАЗАРОВА

О НАРОДНО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ НЕКОТОРЫХ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ ПТИЦ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследователь общеславянских названий птиц Л. А. Булаховский, подчеркивая роль звукоподражательных моментов при исходном назывании, отмечал также возможность появления позднейших подновлений названий и связывал это с их народно-этимологическим осмыслением. Например, названия *синица* и *сплюшка* в русском языке, исторически восходящие к звукоподражательным словам, по созвучию рано подверглись народно-этимологическому осмыслению, связывающему их с понятиями *синий* и *спать*¹.

Как правило, птичьи голоса, воспринимаемые слуховым аппаратом человека, не поддаются абсолютно точному воспроизведению в речи и поэтому зачастую трансформируются в языке при помощи ассоциаций. «Народная этимология часто идет путем золотой середины между звуком природы и человеческой речью, она как бы приспосабливает птичий крик к слову, сходному по звучанию»².

Историко-этимологический анализ названий птиц в тюркских языках показывает, что в основе значительного числа наименований древнейшего состава лежит звукоизобразительность³. Некоторые названия из этого ряда подверглись в отдельных тюркских языках фонетическому подновлению в связи с их народно-этимологическим осмыслением на основе различных ассоциаций.

Проанализируем несколько подобных названий в узбекском языке.

В современном узбекском языке названия птиц *кўккунак*⁴ 'золотистая щурка', *кўркунак* 'щурка' и *қарқуноқ* 'сорокопут' имеют сходную структуру и образованы от звукоподражательных основ с помощью словообразующего аффикса *-нак/-ноқ*⁵ (так же как, например, *тўғоноқ* 'жулан').

¹ Л. А. Булаховский. Общеславянские названия птиц. — «Известия Академии наук СССР. Отделение языка и литературы», т. VII, вып. 2, 1948, стр. 97—125.

² М. Мягер. Эстонские названия птиц. Автореф. канд. дисс. Таллин, 1963, стр. 22.

³ См.: Д. Х. Базарова. К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц. — «Советская тюркология», 1975, № 4.

⁴ Иллюстрации, приводимые в настоящей статье, даются в орфографии источника, из которого они заимствованы. Примеры, данные без указания источника, взяты из словарей.

⁵ К. Брокельман относит данный аффикс к разряду приименных и считает его уменьшительным; См.: С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1951—1954, § 93, стр. 130. О непродуктивном аффиксе *-нак||-нак* в тюркских языках см. также: А. О. Мамедов. Непродуктивные аффиксы, образующие имена существительные в азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1964, стр. 18.

Кўккунак 'золотистая шурка', вероятно, восходит к звукоподражательной основе, близкой по звучанию крику этой птицы, который орнитолог О. П. Богданов воспроизводит в виде *кук-ку*⁶. **Кўркунак** 'шурка' образовано от подражания крику птицы *кур-ку*, которое явно вычленяется в другом народном названии шурки — *куркулдак*, сообщенном нам зоологом З. Игамбердиевым (ср. туркм. *куркулак* в том же значении⁷), наблюдаемом, например, в кирг. *куркулда* 'ячать' (о лебеде), 'грать' (о вороне); *куркулдай* 'ремез'⁸. Ср. также название шурки и подражание ее крику в таджикском языке — *куркурукаррок*.

Следует, однако, отметить, что, кроме названных, еще в целом ряде наименований птиц выделяется общий элемент *кунак*||*куноқ*||*канак*: *қарқуноқ* 'сорокопут'; диал. *кийканак* 'сокол'⁹ [ср. также древнетюрк. *küzkünäk* 'название какой-то птицы' (ДТС, 331); алт. *кунканак* 'драхва' (БСл II, 166); уйг. диал. *курғанак* 'кобчик, пустельга'].

Если допустить, что элемент *кунак* — вышедшее из употребления название какой-то птицы, то тогда придется согласиться, что **кўккунак**, **кўркунак** и **қарқуноқ** — названия сходных видов птиц, отличающихся друг от друга цветом — *кўккунак* (действительно, у золотистой шурки нижнее оперение и крылья зеленовато-голубого цвета — ПСС V, 511), или какими-то характерными признаками — *қарқуноқ* [эпитет «глухой» можно объяснить тем, что сорокопут обычно поет на разные голоса, подражая другим птицам, но не так красиво и приятно, как последние, выделяя при этом отдельные части (слоги)]¹⁰.

Однако это допущение оказывается несостоятельным, во-первых, при сравнении между собой форм, имеющих параллельное употребление в некоторых тюркских языках; например, узб. *қарқуноқ* и азерб. *қаркинчәк* (ЗТЛ, 39). В словаре Л. Будагова приводится название птицы из отряда хищных — «мышелов»: дж. *койканак*, каз. *койкалак*, кирг. *койканай* (БСл II, 170), а в Этимологическом словаре М. Рясенена за пометой «шор» приведена даже форма *küjbänäk* (Räsänen, 307). Ср. также древнетюркские лексические единицы *küzkünäk* 'название какой-то птицы' и *küzküni* 'сверчок' (ДТС, 331), несомненно, этимологически родственные и имеющие явно общую основу *küzkün*. Во-вторых, ни в памятниках, ни в современных тюркских языках нам не удалось обнаружить значимой лексической единицы *кунак*.

Таким образом, наиболее логично допустить, что анализируемые названия образованы от звукоподражательных основ (исторически подвергшихся фонетическим подновлениям, связанным с народно-этимологическим осмыслением этих названий на основе расцветки и других признаков обозначаемых ими птиц) + афф. -*нак*||-*ноқ*.

Жиғалтой 'чеглок'. Основа слова произошла, по-видимому, от широко распространенного в тюркских названиях птиц звукоподражательного корня *жиқ*||*жиғ*||*жағ* (ср. узб. *жиқжиқ* 'скотоцера', *жиқтоқ* 'луговая тиркушка'; уйг. *жағжақ* 'иволга'; туркм. *жікжіки* 'пеночка', *жікжікы* 'дрозд', 'дергач') + словообразующий аффикс -*той*¹¹ (аналогично названиям *кўкантой* 'степная пустельга', *турумтой* 'дербник').

⁶ О. П. Богданов. Узбекистоннинг ҳайвонот дунёси. Тошкент, 1965, стр. 155.

⁷ Г. П. Дементьев. Птицы Туркменистана. Ашхабад, 1952, стр. 423.

⁸ «Птицы Киргизии». Фрунзе, 1961, стр. 167.

⁹ «Узбек халқ шевалари лугати». Тошкент, 1971, стр. 145.

¹⁰ О. П. Богданов. Указ. раб., стр. 191.

¹¹ Об этом непродуктивном аффиксе с уменьшительным значением см.: А. Г. Гулямов. Проблемы исторического словообразования узбекского языка. Аффиксация. Часть I. Словообразующие аффиксы имен. Ташкент, 1953, стр. 21—22; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. Л., 1960, § 153, стр. 129; Б. О. Орузбаева. Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1964, стр. 159.

Элемент *л* может свидетельствовать о наличии здесь в прошлом звукоподражательной глагольной основы (ср. *жигилла*- 'ворчать, бормотать'; 'петь (о самоваре)' и производное от него *жигилдон* 'зоб'), подвергшейся в дальнейшем, вероятно, фонетическому подновлению, связанному с ложной народной этимологией, возводящей название этой птицы к *жиға* 'металлическое украшение овальной формы на мужском головном уборе со вделанными в него цветными камешками и перьями филина'. На самом деле ни чеглок, ни другая птица из семейства соколиных не имеют ни овальной формы пятна на лбу, ни хохолка, чуба или чего-либо подобного на голове (ПСС I, 84—164).

Кўнғир 'поганка'. По структуре название делится на звукоподражательный корень и аффикс *-ир*¹². Ср. другие названия птиц с этим аффиксом: *ғажир* 'степной орел', *шунқор* 'кречет'; каз. *сүнқар* (<звукоподражания *сүнқ*+*-ар*)¹³.

Звукоподражательный корень *кўнғ*||*ғўнғ* явно вычленяется в целом ряде слов подражательного происхождения: *ғўнғ* — подражание карканью вороны¹⁴, *ғўнғилла*- 'бормотать, жужжать', *ғўнғир-ғўнғир товушлар* 'невнятные голоса', *ғўнғир қил*- 'бормотать под нос', *кўнғиз* 'жук', *кўнғироқ* 'звонк, бубенчик' и др. В данном названии можно видеть народно-этимологическое осмысление, связанное с бурой окраской поганки (*кўнғир* 'бурый, темно-серый').

Обозначение цвета в названии *кўнғир* нельзя считать первичной семантической мотивированностью еще и потому, что в узбекском языке среди моделей номинации птиц по цвету нет ни одной, где бы понятие цвета само по себе (без аффиксации или определяемого понятия) служило названием какой-либо птицы. Как правило, подобный тип номинации основан на сходстве окраски птиц (или отдельных частей ее оперения) с определенным цветом спектра (или предмета). В структурном отношении подобные слова делятся на:

1. название цвета+название птицы (иногда вышедшее из употребления), например, *кўкчулдоқ* 'серпоклюв', *олатўғоноқ* 'жулан', *қорақуш* 'степной орел', *қизилғоз* 'фламинго', *қораялоқ* 'дрозд';
2. название цвета+название отдельных частей тела птицы, например, *кўкбел* 'красноголовый нырок', *олақанот* 'шилоклювка', *оққанот* 'белоглазый нырок', *қизилбош* 'чечевица', *қораёқа* 'зук';
3. название цвета+словообразующий аффикс (в единичных случаях), например, *қорабой* 'баклан'.

Ғажир 'степной орел'. Данное наименование, по всей видимости, является озвонченным вариантом вышедшего из употребления слова *қачир*, приведенного в Словаре Л. Будагова за пометой *дж.* *قاجير* 'род орла — птицы, живущей, как говорят, 1000 лет и питающейся трупами' (БСл II, 7). (Ср. кирг. *кажыр* или *ак кажыр* 'белоголовый сип'). Последнее в свою очередь представляет собой видоизмененную форму (в результате метатезы) также вышедшего из употребления *قارچه*

¹² Об этом словообразующем аффиксе имен см.: С. Brockelmann. Указ. раб., § 99, стр. 133; М. Räsänen. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957, стр. 139; А. О. Мамедов. Указ. раб., стр. 9.

¹³ Б. Ш. Катембаева. Подражательные слова в казахском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1965, стр. 16.

¹⁴ Р. Кунгуров. Изобразительные слова в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1962, стр. 18.

‘вид сокола’¹⁵ (БСЛ II, 9), образованного от звукоподражательного корня *к...р* и словообразующего аффикса *-чэ*¹⁶. Ср. тат. *кор-кор*, узб. *қир-қир*||*қур-қур* — подражание клекоту хищных птиц. Данный звукоподражательный корень встречается и в других тюркских названиях птиц, например, азерб. *гарылдак* ‘кваква’ (ЗТЛ, 37); ккалп. *гар-гар* — подражание кряканью уток, *гаркылдау* ‘крякать’; туркм. *гөк гарлак* ‘сизоворонка’, *гарлавач* ‘ласточка’¹⁷; узб. *қарқара* ‘цапля’, *қарилла* ‘каркать’, *қурқура* — ‘клекотать (о хищных птицах), курлыкать’.

В дальнейшем *қачир* (<*қарчэ*) подверглось фонетическому подновлению в соответствии с народно-этимологическим осмыслением названия, связывающим его с *ғажж*- ‘глодать, грызть’; ‘рвать, терзать’. (Ср. также *ғажилла*- ‘обгрызать, глодать, обглаживать’; *ғажирла*- ‘хрустеть, скрежетать’; *ғажир-ғужур* — звукоподражание хрусту, скрежету).

В группе узбекских орнитонимов имеется тип сложных слов, образованных присоединением звукоподражательной части не к словообразующему аффиксу, а к обычному названию птицы, например, *бабақхў-роз*, *бабақтовуқ* ‘петух (курица) кохинхинской породы’, *каккуқуш* ‘кукушка’, *қурқтовуқ* ‘клушка’, *чилкаклик* ‘пустынная куропатка’, *ҳаққуш* ‘кваква’.

К данному типу названий относятся также *пўнғқуш* и *ғўнғқарға*.

Пўнғқуш ‘неясыть’. В некоторых письменных памятниках узбекского языка встречается орнитоним *пўнғқарға*, первый компонент которого исследователь Ф. Исхаков возводит к *бўнғ* ‘крупный, полный, толстый’¹⁸. Автор, вероятно, имеет в виду форму *бўн* ‘полный, толстый’, встречающуюся в Словаре Махмуда Кашгари (ДТС, 118). Отметим, что у Махмуда Кашгари приведено омонимичное слово *бўн* в значении звукоподражания, передающего глухие хлопочущие звуки (ДТС, 118) и сохранившееся в современном киргизском языке в форме *доң* в значении подражания сильному, но не резкому, приглушенному звону, или *дуң*, *даң-дуң* — подражание сильному, но приглушенному звуку. Эти формы легли в основу некоторых названий птиц, например, *ала дуңга* ‘малый сорокопуд’, ‘снежный вьюрок’ (ср. также *доңк-доңк* — подражание глухому отрывистому звуку, например, производимому дятлом, когда он долбит дерево, и *доңкулдак* ‘дятел’).

Это же звукоподражание в качестве составной части названия ворона (грача) в одних говорах узбекского языка приняло форму *дўнғ:дўнғ-*

¹⁵ Явление метатезы встречается и в других названиях птиц, например, древнетюрк. *qarlıyaç||qarğılaç* ‘ласточка’ (ДТС, 426, 428); *sayzıyañ||sayızyañ* ‘сорока’ (ДТС, 481); узб. *қирғий||қийғир* ‘ястреб-перепелятник’; башк. *кәжүк*||узб. *какку* ‘кукушка’; шор. *тар-тал*||тел., бар. *талтар* ‘коростель’. Ср. также формы, приведенные в Этимологическом словаре М. Рясенена: тур. *duyay||dujyar*; чар. *toɣay||toɣyar* ‘жаворонок’ (М. Räsänen, 490).

¹⁶ Этот продуктивный в тюркских языках аффикс, образующий уменьшительно-ласкательную форму имен существительных, в названиях птиц употребляется, присоединяясь к звукоподражательным корням (основам), также и при обозначении самостоятельных реалий, например, азерб. *чил-чэ* ‘рябинник’ (где *чил* — звукоподражательный корень; ср. уйг. *чил-ла-ш* ‘кудахтанье, пение птиц’; узб. *чил-ла-к* ‘чиж’); туркм. *сер-че* ‘воробей’ (где *сер-* — вариант известного в тюркских названиях птиц звукоподражательного корня *ч...р*).

¹⁷ По мнению М. Худайкулиева, *гарлавач* образовано от звукоподражательной глагольной основы *гарла-* (где *гар-* — звукоподражательный корень) + афф. *-вач*, который выделяется автором в целом ряде других слов со звукоподражательной основой. См.: М. Худайкулиев. Подражательные слова в туркменском языке. Ашхабад, 1962, стр. 83.

¹⁸ Ф. Исхаков. «Зарбул масал» даги қуш номларига доир. — «Узбек тили ва адабиёти», 1973, № 1, стр. 48.

қарға¹⁹ (ср. уйг. тоңқарға 'ворон'), в других — пўнг:пўнғарға²⁰. Кроме того, дўнғарға||пўнғарға являются эквивалентными вариантами литературной формы гўнғарға 'грач, ворон', где гўнғ — видоизмененное звукоподражание, употребляющееся в узбекском языке в значении подражания карканью вороны²¹. (Ср. встречающееся в произведениях Алишера Навои название ворона قونك [қунг] (БСл II, 80, 95; Боровков, 214) и звукоподражание крику грача в киргизском языке — кунгурук²². Ср. также киргизское название грача коңкарға, образованное от звукоподражательного корня коңк (коңкулда- 'грать (о граче)': коңкулдап ыйлап чар келди 'грая и плача, прибыл грач'²³, в точности соответствующего узбекскому звукоподражательному корню гўнг||қўнг, например, узб. қўнғироқ и кирг. коңгуроо 'звонок'; узб. қўнғиз и кирг. коңуз 'жук'; узб. гўнғилла- и кирг. коңгура- 'бурчать' и др.

Из вышесказанного следует, что все три названия: пўнғарға, дўнғарға, гўнғарға (<гўнғарға) включают варианты одного и того же звукоподражания.

Об адекватности пўнг||дўнг||гўнг можно судить по однозначному употреблению в узбекском языке звукоподражательных глагольных основ: пўнғилла-||дўнғилла-||гўнғилла- 'бурчать, ворчать, бормотать'. Об этом же говорит и параллельное употребление звукоподражательных киргизских названий коңкулдак и доңкулдак в значении «дятел».

Таким образом, можно с достаточным основанием полагать, что звукоподражательный элемент пўнг в составе орнитонимов пўнғкуш и пўнғарға подвергся народно-этимологическому осмыслению по ассоциации с крупными размерами неясыти (ПСС I, 412) и ворона (ПСС V, 20) с бўнг||пўнг 'крупный, толстый'.

Гўнғарға (<гўнғарға) в современном узбекском языке претерпело фонетическое подновление на основе народно-этимологического осмысления, связывающего данное наименование с гўнг 'навоз', что объясняется тем, что ворон питается главным образом падалью, отбросами, экскрементами и потому держится вблизи выпасов и свалок (ПСС V, 15—25); грач, в пище которого большое место занимают личинки вредных насекомых, также держится вблизи таких мест (ПСС V, 39—46).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Боровков — А. К. Боровков. «Бад'и'ал-лугат». Словарь Тāли' Ймāни Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961.
 БСл — Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I—II. СПб., 1868—1871.
 ДТС — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
 ПСС — «Птицы Советского Союза», тт. I—VI. М., 1951—1954.
 РСл — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1888—1905.
 ЗТЛ — «Зоологича терминлари лугати». Баку, 1961.
 Räsänen — M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

¹⁹ «Узбек халк шевалари лугати», стр. 89.

²⁰ Ш. Шоабдураҳмонов. Узбек адабий тили ва ўзбек халк шевалари. Тошкент, 1962, стр. 286.

²¹ Р. Кунгуров. Указ. раб., стр. 18.

²² С. Кудайбергенов. Подражательные слова в киргизском языке. Фрунзе, 1957, стр. 97.

²³ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 848.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1989

П. С. САФАРОВ

К ФОРМИРОВАНИЮ ЗООНИМИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА: НАЗВАНИЯ КОЗ И ОВЕЦ

Изучению зоонимической лексики тюркских языков посвящено немало работ—от обобщающей материал всех тюркских языков, ставшей уже классической работы А. М. Щербака [1] до ряда диссертаций последних 20 лет, анализирующих определенные области лексики (овцеводческая терминология [2], названия птиц [3], термины коневодства [4]) или же привлекающих подобную лексику более широко, но на материале отдельных языков и диалектов — узбекского [5, 6] и ряда других [7—10]. Все эти работы в целом вводят и обобщают значительный лексический материал, подтверждающий ту огромную роль, которую играло животноводство в хозяйственном укладе тюркских народов. Историко-лексикологический аспект подобных исследований содержит в основном анализ таких вопросов, как: а) происхождение соответствующих слов — тюркское, заимствованное, б) семантическое, фонетическое и (реже) морфологическое своеобразие привлекаемых слов изучаемого языка или диалекта по отношению к какой-либо другой системе: диалекта по отношению к литературному языку, одного языка по отношению к другому, современного языка по отношению к древнетюркским памятникам или общетюркскому состоянию. Однако этимологический и сопоставительный анализ зоонимической или любой другой лексико-семантической группы слов не исчерпывает всех задач историко-лексикологического исследования по тому или иному тюркскому языку. На современном этапе развития тюркского исторического языкознания, когда «назревает потребность в обращении к новой научной задаче, логически вытекающей из предыдущего исследовательского периода и энергично стимулируемой требованиями времени: выработать научные основы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков, а затем, опираясь на эти общие положения, в течение двух-трех пятилетий написать истории ряда национальных языков, что отвечало бы запросам теории и практики» [11. С. 67], — на этом этапе указанные выше аспекты (этимологический и сопоставительный) необходимо дополнить изучением слов в их конкретной истории в хронологических рамках становления и развития современных национальных тюркских языков. Узбекский язык как один из старописьменных тюркских языков, имеющий к тому же—в отличие от многих других тюркских языков—длительную и непрерывную письменную традицию, предоставляет возможности для подобного историко-лек-

сикологического исследования. Однако реализовать такую возможность сложно из-за двух существенных обстоятельств.

Прежде всего, «в памятниках мы имеем дело с проявлением литературного языка. А изучение литературного языка, его истории, как известно, требует совершенно иного подхода, иной методики, нежели изучение истории общенародного языка» [12. С. 80].

Далее, хорошо известно, что современный узбекский язык в структурно-генетическом отношении неоднороден, ибо, по словам В. В. Решетова, «три языковые общности — карлуко-чигиле-уйгурская, кыпчакская и огузская — дали в составе узбекского языка соответственно три наречия» [13. С. 359]. Узбекский литературный язык, который начал складываться со второй половины XV в., также был языком смешанным. Еще более смешанным он стал в современную эпоху, когда в его состав проникло много слов и форм из диалектов, особенно из кыпчакских.

Специалисту, изучающему историю узбекского языка, приходится учитывать не только литературный характер языка многих памятников, но и гетерогенную природу современного языка (а также общенародного и отражающего его литературного). Поэтому для построения действительной картины развития слов и форм на первый план выдвигается задача, возможно, неактуальная для многих других тюркских языков, — внутри незаимствованного, собственно тюркского материала определить элементы разнодиалектного происхождения с тем, чтобы не соединять в единую цепочку переходов формы, имевшие совершенно разную историю. Поскольку основные интересующие нас в связи с историей узбекского языка диалектные группы тюркских языков — карлукская, огузская и кыпчакская — имеют прежде всего существенные фонетические различия, выступающие как классифицирующие для этих групп, основным приемом решения поставленной задачи для нас в этом случае является анализ изучаемых слов с точки зрения исторической фонетики. Указанные диалектные группы имеют, конечно, и дифференцирующие различия в области морфологии, однако эти различия касаются в основном словоизменения и в словах, рассматриваемых как лексемы, они не реализуются. В области лексики классифицирующим оказывается лексемный признак: использование различными диалектными группами разных лексем для обозначения одного и того же денотата (например, в качестве названия козы огузские языки употребляют лексему *кечи* ~ *гечи*, а карлукские и кыпчакские — *счки* ~ *ечку*; см. об этом ниже). Однако классифицирующий характер лексемных различий в рассматриваемой лексико-семантической группе слов прослеживается очень редко, основными при анализе были историко-фонетические признаки.

Диалекты, легшие в основу узбекского языка — и базовые карлукские, и опорные огузские и кыпчакские, — сосуществуют и развиваются в рамках нынешнего среднеазиатского тюркоязычного ареала вот уже тысячу с лишним лет. Начиная с XV в. наряду с узбекским языком происходило формирование и других национальных тюркских языков Средней Азии и Казахстана. Для анализа интересующих нас слов мы привлекаем все доступные диалектные данные узбекского языка, соотнося их с данными соседних языков — киргизского, казахского и туркменского, а также с материалами уйгурского языка и его диалектов. Последний, хотя и находится за пределами географического взаимодействия с узбекским языком, тем не менее близкородствен с ним, поскольку современные карлукские диалекты узбекского и диалекты уйгурского языка восходят к древнекарлукскому языку, описанному

Махмудом Кашгари. Данные «Дивани лугат ит-турк» важны для подобного исследования как контрольный срез языка, непосредственно предшествующего формированию узбекского (и уйгурского) языка, причем не только для сопоставления на лексическом (лексемном) уровне, но и для хронологической оценки звуковых изменений в карлукской и огузской (реже—кыпчакской) диалектных зонах.

Рассмотрим общие названия и терминологию половозрастных групп козы. По данным специалистов, мелкий рогатый скот — козы и свисы — были одомашнены раньше крупного рогатого скота. «...По Гиссарскому хребту и его отрогам проходила широкая зона адаптации азиатских диких коз и овец» [14. С. 290]. Их названия сохранили древнейшие общетюркские лексемы.

ЭЧКИ 'коза' — узб. *эчки*, диал.: карадар. *ечкъ* [15. С. 175], джизак. *эчкъ* [16. С. 35], найм. *екчъ* [17], багд. *ёчки* [18. С. 120], барлас. *йечки* [19. С. 51], джуш. *йечки* [20. С. 105], курам. *йэшки*/*йэчки*/*ечкъ* [21. С. 16], ургенч.-хив., хаз. *геччи* [22. С. 66], каракул. *геччи*/*гечи* [23. С. 103]; уйгур. *эчку*, диал.: *эшкэ* [24.]; кирг. *эчки*; каз. *ешкі*, туркм. *гечи*.

Тюркские языки по названию козы, как можно заключить из материалов для всех языков [25. С. 34—35], распадаются на две большие группы. Огузским (и болгарским) языкам свойственно слово *гечи* ~ *кечи* (на что прямо указано еще в «Диване» Кашгари [26. Т. 3. С. 238]), а кыпчакским, карлукским и северо-восточным — *эчки*. Некоторые ученые анализируют эти слова как исконно тюркские, предполагая в них звукоподражательную [27. С. 35] или же вокативную природу (слово для подзывания коз) и не исключая происхождения формы *кечи* путем метатезы слогов в первоначальном *эчки* [1. С. 117]. Нам кажется, что теории метатезы больше соответствует звательное слово *чиги-чиги*, передающее подзывание коз в говорах Самаркандской области, из которого—но не из *эчки* — как раз могло бы получиться *кичи*. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов оба тюркских слова рассматривают как древнейшие индоевропейские заимствования в тюркских языках «в период продвижения носителей Сатэмных диалектов в Центральную Азию» [28. С. 939—940]. Характерно, что оба тюркских слова имеют разные объяснения на индоевропейской почве: они восходят к дублетным, неодинаковым по морфологическому строению формам одного корня [28. С. 589]. Распределенность слов *кечи* и *эчки* внутри тюркских языков по важнейшим классификационным группам, на наш взгляд, подтверждает возможность происхождения этих форм из разных источников.

Как в собственно тюркском названии для козы, так и в случае их древнего заимствования эти слова являются для современных тюркских языков исконными. Современный узбекский язык сохраняет карлукскую или кыпчакскую форму. Судя по огубленному гласному второго слога, в уйгурском слове *эчку*, совпадающему с др.-карлук. *еёкй* по «Дивану» Кашгари и другим памятникам [29. С. 162], в узбекском языке закрепились кыпчакская форма *эчки* с неогубленным узким гласным второго слога; в огузских говорах (Ургенч, Хива, а также островные говоры Бухары) узбекского языка выступает огузская форма *гечи*, получившая здесь дополнительный (по отношению к лексемному) признак звонкого начала—характерную примету огузской группы.

ТАКА 'козел-производитель' — узб. *така*; уйгур. *теке*/*тика*; кирг. *теке*; каз. *теке*; туркм. *теке*.

Современная узбекская форма несколько изменила гласный состав,

что связано с общей подвижкой узбекского вокализма: общетюрк. *a* → узб. *э*, общетюрк. *ä* → узб. *а*. Поэтому развитие узб. *така* из общетюрк. *tākā* несомненно, что подтверждается и характером согласного *к*: он не является увулярным, как в словах с исконным велярным вокализмом. Уйгурская форма, в отличие от узбекской, сохранила исконный вокализм и даже имеет тенденцию к сужению первого гласного.

Указанные фонетические отличия узбекской и уйгурской форм от форм остальных тюркских языков, вероятно, достаточно поздние, так как в «Диване» Махмуда Кашгари и «Кутадгу билиг» данное слово фиксируется в общетюркской форме *tekä* [29. С. 550]. Других фонетических и морфологических различий среди тюркских форм нет [27. С. 470]. Поэтому можно сказать, что все тюркские языки, в том числе среднеазиатские, сохраняют исконную тюркскую форму, не различающуюся по классификационным группам. Данное слово входит в монгольские языки начиная с древнемонгольского периода [30. С. 390], однако сделать какое-либо заключение о его тюркском или монгольском происхождении Г. Рамстедт и М. Рясянен не решились, по-видимому, из-за полного звукового совпадения слов и отсутствия материала для этимологизирования в той и другой группе. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов сопоставляют тюркско-монгольское слово с индоевроп. *tig[h], давшим др.-в.-нем. *Ziga* 'коза', норвеж. диал. *tikka* 'коза', арм. *tik* 'бурдюк', и с общекартв. *dqa 'коза' (груз. *txa* и т. д.), ничего не говоря о направлении возможного заимствования [28. С. 586, примеч. 1].

Из трех имеющихся в узбекском языке половозрастных терминов «козы» (подробный их разбор мы опускаем) два слова — определенно тюркского происхождения: *улоя* 'козленок до года' — из общетюрк. **оғлақ* (единодушно связывается с общетюрк. *оғул* 'ребенок' [1. С. 119]) и *тувча* 'коза в возрасте от года до двух лет' (можно связать с общетюркским глаголом *тоғ-* 'рожать, рождаться' + отглагольно-именной аффикс *-ча* со значением свойства, склонности или способности к определенному действию [31. С. 189] — именно на втором году коза, как и овца, обычно приносит потомство). Обе формы, в которых просматривается типично кыпчакский переход *-f>-v* (на фоне, например, уйгур. *оғлақ*), следует признать кыпчакскими по звуковому облику. Третий термин *чибиш* 'козленок-самка в возрасте от шести месяцев до года' определен как возможное заимствование из иранских языков: перс. *čāpēš* 'годовалый козленок', которое А. М. Щербак сопоставил с лат. *sareg* 'козел' и другими индоевропейскими словами [1. С. 120]. Однако Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, разбирая эти индоевропейские слова, не сопоставляют их с иран. *čāpēš* [28. С. 515—516]. Если данное слово заимствовано, то достаточно рано, так как в «Диване» Махмуда Кашгари зафиксировано и это слово, и образованный от него глагол: *čepiš* 'шестимесячный козленок', *oḡlaq čepišlāndi* 'козленок достиг шестимесячного возраста' [29. С. 144].

Из шести названий козы в современном узбекском языке одно слово (*сарка*) определенно заимствовано из монгольских языков, очевидно, после XIII в.; еще одно (*чибиш*) — возможное заимствование из иранских языков, но до XI в. Остальные слова — тюркского происхождения. Два из них (*така*, *улоя*) наследуют общетюркские формы, а два других следует определить как региональные, хотя *эчки* распространено очень широко (см. выше), а *тувча* — намного уже. Только слово *така* не имеет признаков тюркских диалектных групп, остальные — *эчки*, *улоя*, *тувча* — в той или иной степени несут на себе приметы кыпчакского звукового облика.

Овцы остались главным объектом разведения мелкого рогатого скота, тогда как содержание коз сознательно сокращалось населением из-за ущерба, наносимого ими пастбищам. Поэтому система половозрастных терминов «овцы» в узбекском и других тюркских языках выглядит более дробной и разветвленной, чем «козы».

ҚУЙ 'овца, баран' — узб. қуй, диал.: каракул. қой [23. С. 84]; карадар. қой//госфанд [15. С. 175]; уйгур. қой; кирг. кой; каз. қой; туркм. гоюн.

Общее название овцы как вида в огузских языках отличается от формы остальных тюркских языков: это двусложное слово, в котором *-ын/-ун* — «морфологический элемент, некогда выражавший значение уменьшительности» [1. С. 110]. Форма *қой* фиксируется уже в карахидско-уйгурских памятниках XI в. [29. С. 453], причем Махмуд Кашгари приводит ее как фонетическую форму языка тюрков, которой в языке аргу соответствует *қон* [26. Т. I. С. 67]. Эта последняя фонетически близка древнетюркской форме VIII в. с *-н'* [29. С. 453: *qot*], которую М. Ряснен и считает исходной для тюркских языков праформой: **kon'* [27. С. 279]. Морфологически исходная, но фонетически преобразованная форма *қой* свойственна и кыпчакским, и карлукским диалектам; каких-либо дифференциальных признаков между этими группами в этой форме нет.

СОВЛИҚ 'овцематка' — узб. *совлиқ*, диал.: карадар. *сõлмқ*; уйгур. *сағлиқ* 'овца', *сағлиқ қой* 'овцематка'; кирг. *соолук* 'овца по пятому году'; каз. *саулық* 'овца (старше трех лет)'

Данное слово по своей внутренней форме связано с общетюркским глаголом *сағ-* 'доить' и первоначально означало, по-видимому, вообще «дойное животное», как это можно видеть из контекста древнеуйгурского памятника [29. С. 481]; правда, А. М. Щербак указывал на трудности в интерпретации аффикса *-лык*, поскольку ни аффикс отвлеченных существительных, ни аффикс, передающий обилие предметов, не могли присоединяться к глагольной основе [1. С. 112]. Хотя в современных огузских языках подобная форма отсутствует, она достаточно древняя, так как фиксируется, как уже сказано, в древнеуйгурском памятнике, а также в «Диване» Кашгари.

Если современный уйгурский язык сохранил древнекарлукскую форму *сағлык*, то узбекский язык — и литературный, и диалекты — воспринял кыпчакскую форму, что определяется по характерному для кыпчакской группы фонетическому развитию *ғ > в*.

ҚУЧҚОР 'баран-производитель' — узб. *қўчқор*, диал.: карнаб. *қошқар* [32. С. 64]; каракалпак. *қочқар* [5. С. 8]; уйгур. *қочқар*; кирг. *кочкар*; каз. *қошқар*; туркм. *гоч, гочгар* редко 'молодой баран-производитель'.

Уже в «Диване» Махмуда Кашгари фиксируется диалектное различие форм названий барана-производителя: короткая форма *қоч* — огузская, более полная *қочіңар* — тюркская (т. е. древнекарлукская) [26. Т. I. С. 311]; в других древнеуйгурских памятниках это же слово выступает в формах *қоҗағ* и *қоҗағ* [29. С. 451]. Эта последняя форма, хотя ее соотношение с формой с *-ң*, как и морфологический состав обеих форм, не ясны, и проходит по всем современным неогузским языкам, тогда как в огузских представлена краткая форма [27. С. 274; 1. С. 111]. В туркменском языке наряду с формой *гоч* словарь отмечает в качестве редко употребляемой форму *гочгар*. Появление здесь *гочгар* можно было бы отнести за счет проникновения кыпчакской формы, но

нельзя исключить и такой возможности, что туркменский сохранил или каким-то образом отразил исконное состояние, когда форма *қоч* и *қочқар* имела семантическое распределение, показываемое семантикой туркм. *гочгар*. Со временем семантическое различие обеих форм в языках кыпчакской и карлукской групп стерлось, и там осталась только форма *қочқар* с уменьшительным аффиксом *-қа* (элемент *-р* истолковать не берем-ся), который отмечается и в других зоонимах. Размежевание тюркских языков по этому слову, как и по другим лексическим, грамматическим и фонетическим признакам, судя по материалам Махмуда Кашгари, произошло уже к XI в.

Что касается дифференциации формы данного слова в карлукских и кыпчакских языках, то это затруднительно. Можно было бы считать *қочқар* кыпчакской формой, а форму с *-ң* — *қачыңар*, *қочуңар* — карлукской, но тогда наличие формы *қочқар* в древнеуйгурских юридических документах XIII—XIV вв. нужно рассматривать как свидетельство начала проникновения кыпчакской формы в диалекты карлукского типа.

Девять слов (подробный разбор которых здесь не приводится) составляют более подробную в сравнении с «козой» сетку половозрастных наименований овцы в узбекском языке. Из них три — явно иранские заимствования: *ширвоз* 'ягненок в возрасте до двух месяцев', *чор* 'четырехлетний баран', *панжи* 'пятилетний баран' (последние два только в некоторых узбекских и южных киргизских диалектах). Два названия — неизвестного происхождения, но явно не тюркского, так как не имеют параллелей в других тюркских языках: *барра* 'ягненок-сосунок в возрасте до трех недель', *дагар* 'баран в возрасте около года'. Меньше половины — четыре названия — имеют тюркское происхождение, но это наиболее важные, ключевые слова во всей системе: *қўзи* 'ягненок в возрасте до шести месяцев' — общетюркское слово более широкой семантики и более употребительное в языке, чем *барра* и *ширвоз*; *тўқли* 'ярка в возрасте от полугода до года' — по семантическим и фонетическим признакам мы предлагаем связывать эту форму с общетюрк. *тоғ* 'сытый', но не с *тоғ* 'рожать, рождаться', как это предлагалось ранее [1. С. 115]; *тусоң* 'овца-самка в возрасте после года и до двух лет', — вероятно, образование от глагола *тусамоқ* 'сильно желать, хотеть'; *шишак* 'овца, баран в возрасте двух-трех лет'; мы не связываем это слово с глаголом *шишмоқ* 'опухать, толстеть', но выводим его из др.-карлук. *tišäk* 'двухгодовалая овца' в «Диване» Кашгари [29. С. 563]. Историко-фонетический анализ (сравнение с формами тех же слов в других языках и в узбекских диалектах) подвел нас к предположению, что все четыре формы, вероятнее всего, обладают звуковым обликом карлукского типа. В целом же подсистема половозрастных и функциональных названий овцы (сюда добавим: *ахта қўчқор* 'кастрированный баран, валух — явное новообразование, сменившееся др.-карлук. *азма(н)* [26. Т. 1. С. 150]) в узбекском языке проявляет себя как неустойчивая, проницаемая для внедрения иноязычных, прежде всего иранских, элементов, что облегчалось и стимулировалось двуязычностью определенной части населения.

Таким образом, рассмотрение терминосистем названий козы и овцы в узбекском языке показало многослойность формирования обеих групп слов как по источникам, так и по хронологии. Ключевые, наиболее значимые элементы — общетюркские слова в карлукской, реже — кыпчакской звуковой форме, причем кыпчакские формы должны быть признаны более поздними, вошедшими из диалектов кыпчакского типа и сменившими здесь (фонетически же обычно лишь слегка видоизменяв-

шими в силу большой близости форм) более древние формы карлукского типа. И все же слой карлукских форм обнаруживается достаточно ясно. Если слой карлукских (или не дифференцируемых по диалектным группам общетюркских) форм самый старый, а слой кыпчакских модификаций, вероятно, наиболее поздний, то посередине располагаются два слоя заимствований — монгольские и иранские (таджикско-персидские). Первые, очевидно, попали в диалекты, из которых впоследствии сложился узбекский язык в XIII—XIV вв., а вторые — позднее: так, например, в случаях с названиями овец — четырех- и пятилеток иранские слова *чори* и *панжи* пришли на смену монгольским формам *дунон* и *сунон*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербак А. М. Названия диких и домашних животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
2. Урунов Т. Узбекская овцеводческая терминология: (на материале Кашкадарьинской области УзССР): Дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1964.
3. Базарова Д. Х. История формирования и развития зоонимической терминологии узбекского языка. Ташкент, 1976.
4. Усманов Собир. Гиппологическая терминология современного узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1988.
5. Буранов М. Термины животноводства в узбекских говорах Каракалпакии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1972.
6. Ходжамбердиев Т. Животноводческая лексика узбекского языка: (преимущественно на материалах Ферганской долины): Дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1974.
7. Дуйшаналиева Т. Киргизские народные термины животноводства: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1969.
8. Ишбердин Э. Ф. Названия животных и птиц в башкирских говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1970.
9. Аширов П. Животноводческая лексика в туркменском языке: (на материалах Ташаузской области Туркменской ССР): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1971.
10. Ибрагимов К. Древнетюркские названия животных в лексике современных тюркских языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
11. Тенишев Э. Р. Принцип составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков // Сов. тюркология. 1988. № 1.
12. Благова Г. Ф. Соотношение «истории литературного языка» и «исторической грамматики» в исследовании средневекового тюркоязычного памятника // Там же.
13. Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л., 1974.
14. Решетов В. В. Узбекский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 2: Тюркские языки.
15. Шерматов А. Проблемы исторического развития и современного функционирования узбекских диалектов: (по материалам говоров низовья Кашкадарьи): Дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1978.
16. Гулямов Х. Джизакский говор узбекского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1954.
17. Валиев М. Узбек тилининг найман шеваси: Дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1963.
18. Данилров Х. Восточно-кыпчакские (джекающие) говоры и их участие в развитии узбекского литературного языка: (по материалам Самаркандской, Джизакской и Сырдарьинской областей): Дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1977.
19. Хасанов Б. Исследование узбекских говоров типа тюрк-барлас: Дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1964.
20. Ахмедов А. Джушский говор узбекского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1961.
21. Решетов В. В. Кураминские говоры Ташкентской области: Дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1951.

22. Словарь узбекских народных говоров. Ташкент, 1971.
 23. Шамсиддинов И. Каракульский говор узбекского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1964.
 24. Аганина Л. А. Уйгурские диалекты КазССР: (Чиликский район): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
 25. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1980.
 26. Маҳмуд Қошғарий. Туркий сўзлар девони: Уч. томлик/Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. Тошкент, 1960—1963.
 27. Räsänen M. Versuch eines etimologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
 28. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 1, 2.
 29. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
 30. Ramstedt G. Y. Kalmukisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
 31. Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
 32. Раджабов Н. Қарнабский говор узбекского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1958.
-